

Реализация классического типа научной рациональности в программе «Психология фантазии» И. М. Розета

Н. Д. Корчалова

Белорусская психология в своей истории знает, к сожалению, не так много имен, которые символизировали бы какую-либо теоретическую, концептуальную позицию, давшую начало качественно своеобразной линии научных исследований, объединившую отдельных ученых в научно-психологическую школу и позволяющую выстроить с ней продуктивный диалог. Одним из таких имен является имя Исаака Моисеевича Розета, жившего и работавшего в Белоруссии во второй половине XX века.

Творчество И. М. Розета характеризуется широтой охвата психологической проблематики, включающей как вопросы общей, так и социальной, педагогической психологии, эргономики. С именем И. М. Розета связана одна «мифологема», созданная, возможно, им самим, и активно поддерживаемая теми, кто знал его близко и работал вместе с ним: И. М. Розет является «самородком» в науке, он не принадлежал ни одной из современных ему психологических (и в целом научных) традиций, он своего рода «вещь в себе» — оригинален, аутентичен и самодостаточен. Данная мифологема представляется нам неочевидной и необоснованной¹. Не умаляя эрудиции этого человека, его работоспособности и продуктивности, в нашем тексте мы попытаемся осуществить вписывание идей И. М. Розета в традицию европейского научно-исследовательского мышления (в редакции В. С. Степина) и сделаем это на материале книги «Психология фантазии» (Розет, 1991) — одной из ключевых работ в его творчестве.

¹ Нам представляется маловероятной научная робинзонада того или иного автора, тем более знакомого с большим количеством работ в области собственного научного поиска, каким был И. М. Розет. По его же собственному утверждению, воображение неизбежно зависит от памяти.

Выбор книги «Психология фантазии» для нас неслучаен. Внимание к ней определяется пока не полностью артикулированным полаганием (возможно, совершаемым вслед за традицией Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова), что фантазия является «ключом» к возникновению продуктивных образовательных мероприятий, что составляет для нас предмет собственного научного и педагогического интереса. В связи с этим в нашем тексте мы так же более подробно остановимся на проблеме генеративности и специфичности концепта «фантазия», используемом И. М. Розетом для проведения экспериментальных исследований.

Научная картина мира программы «Психология фантазии» И. М. Розета

Первый, наиболее общий контекст, в котором И. М. Розет осуществляет свое теоретическое, а затем и эмпирическое действие — это контекст определенной научной рациональности. Мы считаем, что в данном случае речь идет о классическом типе рациональности, или, другими словами, исследование фантазии осуществляется как *научное познание* по классическому его образцу.

По мнению В. С. Степина, в своем историческом развитии наука как особая форма человеческой деятельности и познания проходит ряд этапов с соответствующим каждому из них типом научной рациональности — классическим, неклассическим и постнеклассическим, — где каждый последующий тип рациональности не столько отменяет и заменяет предыдущий, сколько делает очевидными границы его применения, одновременно открывая возможность для иного репертуара исследовательских действий (Степин, 2000).

В своем историко-научном исследовании В. С. Степин обращается к анализу науки как *деятельности познания*, а также к обнаружению *оснований науки*, выступающих контекстом для научной деятельности. В качестве деятельности познания действительности наука представлена как совокупность Субъекта познания → Средств познания → Объекта познания. В соответствии с этой схемой тип научной рациональности будет определяться тем, что становится предметом научной рефлексии: в классической науке — это объект познания; в неклассической науке — объект познания в его соотносительности со средствами познания; в постнеклассической науке в рамки научной рефлексии наряду с объектом и средствами включается и субъект познания. Центрация внимания исследователя лишь на части структуры деятельности познания не означает полной произвольности в выборе остальных ее компонентов, следствием же той или иной центрации является такое представление теоретического знания, как если бы субъект или средства познания не участвовали в его производстве.

Однако при выявлении конкретных образцов научных программ и исследований одних деятельностных средств оказывается недостаточно в силу сложной

организованности предмета изучения. Столь же существенным для решения этой задачи, с точки зрения В. С. Степина, становится обращение к основаниям науки, компонентами которой являются: 1) научная картина мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки. Все указанные компоненты «выражают общие представления о специфике предмета научной деятельности, об особенностях познавательной деятельности, осваивающей тот или иной тип объектов, и о характере связей науки с культурой соответствующей исторической эпохи» (Степин, 2000, с. 188). Иными словами, специфичность типа научной рациональности будет определяться, в том числе, и конкретным содержанием оснований науки.

Не претендуя на полное и исчерпывающее исследование теории фантазии И. М. Розета, мы проследим, как некоторые основания классического типа научной рациональности представлены в его работе. Мы сконцентрируемся на анализе научной картины мира, на которую опирается данный автор.

В общем смысле «научная картина мира выступает как специфическая форма систематизации научных знаний, задающая видение предметного мира науки соответственно определенному этапу ее функционирования и развития» (Степин, 2000, с. 192). Понятие научной картины мира не может быть сведено собственно к теории, однако, по мнению В. С. Степина, она представляет собой особого рода форму теоретического знания, содержанием которой является система научных принципов, фиксирующих наиболее существенные для реального мира как объекта познания связи. С этой точки зрения, научная картина мира — это компонент мировоззрения исследователя, обобщающий знания об устройстве мира или, иными словами, — определенная научная онтология.

Процесс организации и систематизации научных знаний в рамках научной картины мира осуществляется на нескольких уровнях: на уровне интеграции информации, полученной в различных областях научного поиска; на уровне синтеза знаний в естественнонаучных, социальных и гуманитарных дисциплинах; а также на уровне обобщений в отдельных научных дисциплинах. В связи с этим принято говорить как об общей научной картине мира, так и о специальных картинах мира, каждая из которых характеризуется дисциплинарной принадлежностью. Построение теории в рамках какой-либо научной дисциплины должно опираться как на общую, так и на специальную картину мира.

Говоря о классическом типе научной рациональности, мы, в первую очередь, должны охарактеризовать формируемое в его рамках представление об объекте познания, а также указать теоретические принципы, составляющие основу соответствующей научной картины мира, которые, в свою очередь, «ставят задачи исследованию, целенаправляют наблюдения и эксперименты и дают им объяснения» (Степин, 2000, с. 294). Обратимся вначале к общенаучным аспектам картины мира в работе И. М. Розета.

Для классической науки в целом свойственно рассмотрение объекта познания автономно от средств познания и, тем более, от познающего субъекта. Это не означает, что особое качество субъекта и средств познания оказывается нерелевантным к акту познания, но означает, что объект познания как часть объективной реальности может и должен быть изучен таким, каков он есть «на самом деле», с максимальной нивелировкой всего, что относится к исследователю и используемым им средствам.

Каковым же мыслится объект познания в классической науке? Первое его свойство — *интеллигибельность*, принципиальная познаваемость. Указание на это свойство как специфический признак научного мышления мы находим у Г. Башляра, согласно которому «корреспондирующая с ним (разумом — *Н. К.*) реальность не может быть отнесена к непознаваемой вещи в себе» (Башляр, 2000, с. 31). Возможно, способ обнаружения данной характеристики объекта познания в исследовании И. М. Розета покажется грубым, однако, с нашей точки зрения, сам факт этого исследования в отношении фантазии указывает на отношение к ней как доступной познанию, в том числе познанию с использованием экспериментальных процедур. Косвенное подтверждение интеллигибельности фантазии мы находим в формулировке Розетом задач исследования: объяснении природы и причин явлений, фактов, относящихся, с его точки зрения, к действию фантазии (см.: Розет, 1991, с. 24).

Вторым свойством объекта познания в классической науке выступает *объективность* его существования. Фантазия мыслится Розетом не просто как умопостигаемый объект, но как реально существующий аспект действительности, как характеристика деятельности субъекта. Так, на стр. 11 (указанной работы) он говорит о роли фантазии в историческом прогрессе и утверждает необходимость ее материалистического понимания. Поскольку те или иные свойства объектов познания в классической науке выступают как аксиоматические допущения, не требующие доказательств, то в аналитическом действии они могут быть обнаружены по косвенным признакам, в первую очередь, в том, как строится суждение о них. Привлекая материал различных психологических и иных по дисциплинарной принадлежности концепций, Розет не указывает такие из них, которые отрицают фантазию как особую сущность; в крайнем случае, он говорит о редукции фантазии (или воображения) к другим психическим функциям (которые также существуют сами по себе), однако и такое действие приписывается Розетом не психологическим концепциям, а отдельным авторам: «Такая тенденция характерна для некоторых современных психологов» (Розет, 1991, с. 29), причем об суждение редукционизма в отношении фантазии занимает в его тексте не многим более страницы.

Следующее свойство классических объектов познания состоит в их *организации*, которая, с одной стороны, не может быть сведена к внешним своим про-

явлениям, с другой стороны, будучи обязательно *сложной*, может быть *выражена в простых и ясных схемах*. Как нам кажется, в этом находит свое выражение одна из фундаментальных установок классической науки — вера в разумное, т. е. подчиненное законам устройство мира, будь то физического, социального или психического. Но одновременно это устройство, в котором сущность и сущее не тождественны: «Здесь речь идет о реализме как бы второго уровня, противостоящем обычному пониманию действительности, находящемуся в конфликте с непосредственным» (Башляр, 2000, с. 31).

Проявление данной установки проходит красной нитью через работу И. М. Розета, составляя ее «альфу» и «омегу». Во вступительном слове мы читаем: «Основная же цель настоящего исследования — выявление некоторых *внутренних закономерностей* фантазии (здесь и далее курсив автора)» (Розет, 1991, с. 6), и в заключении находим: «Экспериментальным путем в настоящем исследовании... были выявлены два внутренних механизма фантазии», и далее: «Они выступают, как объективные закономерности, т. е. независимые от воли субъекта» (Розет, 1991, с. 286–287). Исходя из этой же заинтересованности в наличии скрытой природы объекта познания, И. М. Розет отбирает и оценивает круг оппонентов, определяя их взгляды как ограниченные или прогрессивные в зависимости от того, признают ли они ведущую роль внутренних психологических закономерностей или нет (например, на стр. 74).

Выше мы говорили, что объект познания науки не может быть простым: «Она (подлинно научная мысль — *Н. К.*) находит сложное в простом» (Башляр, 2000, с. 32). С указания на ценность действия усложнения начинает и Розет: «Парадоксальное, на первый взгляд, мнение о том, что по мере углубления в предмет исследования он становится все более загадочным и непонятным, подтверждается суждениями ученых об уровне наших знаний в области психологии творческой деятельности» (Розет, 1991, с. 4). Зачем науке (или ее агентам) подобный лозунг о сложности картины реальности, выглядящий тем более странно на фоне зачастую банальных выводов, представляющих результаты многочисленных исследований? Мы не отрицаем сложность построения объекта познания в той или иной теории, но предполагаем, что риторика сложности может выполнять несколько функций. Если разделять данные функции на внешние, т. е. адресованные вненаучным реципиентам, и внутренние, то в первом случае речь может идти о решении задачи отличия научного знания от других форм знания. Для этого могут быть использованы как прямые средства, например, выражения вроде «данный вопрос представляется крайне сложным и неоднозначным», так и косвенные: построение фраз, применение некоторого словаря, не употребляемого в обыденной речи (механизм анаксиоматизации вместо механизма обесценивания) и т. д. Что касается внутринаучного пространства, то, возможно, усложнение выступает средством переопределения научного дискурса, устоявших-

ся значений и способов вопрошания, другими словами, за попыткой усложнения можно увидеть попытку смены языка.

Научная картина мира содержит не только те или иные представления о познаваемых объектах, но также включает ряд теоретических принципов, согласно которым осуществляется сам процесс познания и построения научных теорий. На некоторых из них мы хотели бы сейчас остановиться.

Разграничивая исторические типы научной рациональности, В. С. Степин указывает на механику Ньютона и электродинамику Максвелла как на конкретные образцы классических теорий. В силу того, что «классическая наука стремится найти свой идеал — строгий, единственно истинный путь познания, который бы в любой ситуации и по отношению к любым объектам гарантировал формирование истинных теорий» (Степин, 2000, с. 387), данные теории с совокупностью присущих им принципов и допущений были приняты в качестве такого идеала для других оформляющихся к концу XIX века наук, в том числе гуманитарных, к которым может быть отнесена и психология. Что касается развития научного знания в XX веке, то его перспектива связывалась с преодолением механистического взгляда на познаваемую реальность.

Обычным для психологов второй половины XX века стала критика своих предшественников (и некоторых современников) как стоящих на механицистских позициях. На непродуктивность механистического подхода к фантазии указывает и Розет (см., например, главу 2 параграф «Гипотеза рекомбинации»). Однако является ли подход самого И. М. Розета свободным от механицизма как основы научного мировоззрения? Нам представляется, что нет.

В механистической картине мира присутствуют, помимо прочих, следующие теоретические принципы: *принцип материального единства мира* и *принцип абсолютного пространства и абсолютного времени* (Степин, 2000). Эти принципы устанавливают статичность и гомогенность в представлении о физическом мире. Основываясь на данных принципах, можно утверждать, что в разные моменты времени и в разных географических точках неизменно действуют одни и те же силы по одним и тем же законам в отношении одних и тех же сущностей. Коррелятами данных принципов в специальных картинах мира, по-видимому, можно считать суждения, исключаяющие коннотации многообразия и развития той части предметного мира, которая выступает объектом познания.

Например, в психологии установка на статичность объекта обнаруживает себя в непризнании, в невидении множественности, качественной разнородности личного или культурного времени. Именно данная установка позволяет Розету обращаться к суждениям Лукреция Кара, Спинозы, Вертгеймера и Пушкина (а также прочих референтных лиц) как относящимся к одному и тому же явлению, как если бы фантазия обладала одной, раз и навсегда данной сущностью. И именно

согласно данному принципу Розет говорит и о детском словотворчестве, и о техническом творчестве взрослого как о качественно одном и том же явлении.

Как нам кажется, принцип материального единства мира и идея абсолютного пространства/времени стоит за действием унификации множества явлений: художественного творчества, конструкторской деятельности, опять же детского словотворчества и др., посредством их описания и объяснения с помощью базовых *общепсихологических* механизмов.

Однако принципы единства мира и абсолютного пространства и времени определяют не только характеристики объекта познания, но и средства (процедуры) познания (Степин, 2000), среди которых в первую очередь мы можем назвать идею о контролируемости условий в классическом эксперименте.

Как процедура исследования классический эксперимент предназначен для установления причинно-следственных отношений между отдельными параметрами познаваемой реальности. Для достижения этой цели экспериментатор должен контролировать изменения независимых переменных и неизменность ряда факторов, которые не включены в данный акт исследования, но могут оказать влияние на зависимые переменные: «Основная и принципиальная трудность всякого психологического эксперимента — умение в условиях огромного числа переменных выделить, проследить и установить закономерности изменения именно той переменной, которую и требуется изучить» (Роговин, 1969, с. 173–174). Такое представление о сути эксперимента строится на допущении, что на всем протяжении экспериментальной процедуры мы имеем дело с одной и той же познаваемой реальностью, например, с мышлением, продуктивной деятельностью или чем-либо другим. Определяющим условием в отношении к происходящему в эксперименте будет теоретическая схема, которой руководствуется исследователь, и в этом смысле был прав Башляр, утверждая, что «реальное доказывают, а не показывают» (Башляр, 2000, с. 36). Ведь как только мы отказываемся от убеждения о неизменном присутствии некоторой сущности (а, возможно, и от своей способности ее окончательного понимания), нам необходимо всякий раз отвечать на вопрос, что происходит в данный момент времени, с чем мы имеем дело непосредственно сейчас. Для современного познания более характерным является признание многократного превращения объекта познания: на этапе его теоретического моделирования (если таковой имеется), на этапе осуществления эмпирического исследовательского действия, в процедуре фиксации данных, а также в способе описания. Если же занимать более крайнюю позицию, то можно утверждать, что мы имеем дело исключительно с описаниями.

Возможность неоднозначного понимания экспериментальных данных представлена в тексте и у самого Розета при обсуждении исследований Отто Зельца (Розет, 1991, с. 40). Речь идет о возможности действия двух типов задач при решении экспериментальных заданий: задачи, представленной экспериментато-

ром, и задачи, принятой самим испытуемым, которые могут не совпадать. Однако при проведении собственного исследования Розет опирается на предположение о тождественности понимания задачи им самим и его испытуемыми.

В своей работе И. М. Розет руководствуется не только общенаучной картиной мира, но и специальной — психологической. В отношении последней мы хотели бы указать на несколько значимых теоретических принципов.

Первый из них касается идеи основы для интеграции психического, в качестве которой выступает память. Данный принцип мы можем найти, например, в трудах С. Л. Рубинштейна, который, анализируя различные аспекты функционирования психических процессов или сложных психических образований, обсуждает их через идею преемственности опыта человека, историчности его жизни: «Этот личностный контекст, преемственная связь опыта сплетается из воспоминаний, воспроизводящих пережитое» (Рубинштейн, 1989, с. 301). У Розета мы также обнаруживаем приоритетность памяти по отношению к фантазии: «Существенной предпосылкой продуктивной деятельности служит репродукция; а это значит, что любая теория продуктивной деятельности должна согласовываться (коррелировать) с теоретическими воззрениями на репродуктивные явления» (Розет, 1991, с. 159). Данный принцип является своего рода следствием принципа единства реального и идеального: «Всякое психическое явление дифференцируется от других и определяется как такое-то переживание благодаря тому, что оно является переживанием того-то; внутренняя его природа выявляется через его отношение к внешнему» (Рубинштейн, 1989, с. 13), принципа, утверждающего неразрывную связь психической деятельности и объективного мира. Эту соотнесенность с реальным предметным миром Розет ставит во главу угла своего исследования (см. главы 2, 3, 5 его работы). Нам кажется, что этот принцип позволяет исследователю устанавливать связь между собственными теоретическими схемами и эмпирическими данными, что довольно упрощенно можно представить следующим образом: если «теоретическая схема» = «реальность» и «реальность» = «сознание испытуемого», то «теоретическая схема» = «сознание испытуемого» (здесь знаком «=» обозначена соотносимость, а не тождественность). Допущение о существовании объективного мира и о его отражении в сознании субъектов позволяет исследователю относиться к экспериментальным материалам как к непосредственной реальности.

Здесь мы бы хотели отметить один прием, к которому прибегает И. М. Розет при построении собственного текста и благодаря которому может существовать миф его самодостаточности. Речь идет об отсутствии ссылок на тех или иных авторов, идеи которых, скорее всего, неосознанно, им используются. В предыдущем отрывке мы обсуждали принцип единства реального и идеального, представленный в работе С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1989), однако, несмотря на частое употребление данного принципа в теории фантазии, Розет не отсылает

читателя ни к тексту Рубинштейна, ни к какому-либо другому тексту, устанавливающему схожие принципы.

Еще один аспект психологической картины мира, который контекстно присутствует в работе И. М. Розета, — идея деятельностной организации психического. Прямых указаний на деятельностный подход в психологии как на методологическую основу своего исследования Розет не приводит, однако активно пользуется «словарем» данной теории, в первую очередь, в определении термина «фантазия» как продуктивной *деятельности*. Во-вторых, в своей трактовке деятельности он ближе к ее целерезультативному пониманию, чем к процессуальному, несмотря на то, что в ходе обсуждения проблематики фантазии отмечает необходимость ее рассмотрения именно как процесса: «При выполнении какой бы то ни было деятельности субъект руководствуется определенными целями, которые должны быть осуществлены благодаря этой деятельности» (Розет, 1991, с. 89). Не менее показательным является обсуждение критериев различения фантазии и других психических процессов (явлений), в качестве которых Розет указывает характеристики ее продукта и те условия, которые необходимы для его получения: новизна, социальная значимость, связь с действительностью, а в качестве условия — неопределенность.

До сих пор в контекстуализации теории фантазии И. М. Розета мы обращались к анализу научной картины мира, которая конституирует объект исследования. Однако, как было сказано выше, средства познания не являются безразличными для науки, в рамках какого бы типа рациональности она не оформлялась. И здесь И. М. Розет придерживается идеала классической науки как науки экспериментальной. Несмотря на то, что он утверждает, что «для выявления закономерностей фантазии может быть использован принципиально любой психологический материал» (Розет, 1991, с. 89), он не прибегает ни к самонаблюдению, ни к анализу творчества какой-либо конкретной личности, ни к анализу какого-либо другого эмпирического материала. С точки зрения организации познания эксперимент позволяет избежать случайности (несоотнесенности с теоретической схемой) и неожиданности появления эмпирического материала (Роговин, 1969), в чем проявляется еще один из аспектов ценности контролируемости, которая обсуждалась нами выше.

Теперь охарактеризуем некоторые аспекты концепта «фантазия», предложенного Розетом.

«Экспериментальная природа» концепта «фантазия» И. М. Розета

В своем описании И. М. Розет часто прибегает к категории «субъект», которая выступает некоторой предельной рамкой для его рассуждений. Прямых указаний

на специфику понимания данной категории в тексте Розета нет, однако способ обсуждения и постановки проблематики исследования позволяет говорить, что речь идет о ставшем субъекте, о субъекте, обладающем высокой степенью определенности содержания психического мира, а также о субъекте, сознание которого отражает внешний объективный мир и присущие ему связи. Возможно, наиболее показательна эта коннотация субъекта представлена в примере анализа детского словотворчества, о котором мы упоминали выше, и в примере анализа детских рисунков. С точки зрения Розета, в случае детского словотворчества речь идет об анаксиоматизации одних, и о гипераксиоматизации других лингвистических правил и принципов. Подобное понимание базируется на неявном допущении, что ребенок уже владеет языком в достаточной степени, чтобы производить оценку его правил. Если же мы поместим образование слов ребенком в контекст процесса овладения им языком, то мы не можем устанавливать, в состоянии ли ребенок использовать те или иные лингвистические правила, например, морфологические или синтаксические, или нет, не сопоставляя речь ребенка с оценкой им правил. В этом случае мы должны анализировать каждое слово или фразу, произносимую ребенком, как речевое явление, а не фантазийное. Нам представляется, что словотворчество ребенка является творчеством (в смысле неожиданности и непредсказуемости его результатов) только для взрослого.

Что касается примера с детскими рисунками, то анализ, данный им Розетом, основывается на допущении, что ребенок хотел отобразить реальность «в ее наиболее существенных связях и отношениях», что в своем рисунке он руководствовался задачей поиска адекватной реальности формы ее графического отражения, т. е. действовал как сознательный, целеустремленный субъект. Нам кажется, что данная теоретическая схема объяснения явлений детства непродуктивна и во взаимодействии с детьми (которые активно сопротивляются попыткам установления тождества их действий с реальностью), и в перспективе развития фантазии у детей.

Второй особенностью концепта «фантазия» у Розета является сложность его операционализации. Воспроизведем последовательность критериев, посредством которых он конкретизируется.

Во-первых, это *новизна* продукта фантазии. Если первоначально Розет приводит критерий объективной новизны продукта — новое для данного сообщества, то позже у него идет речь о субъективном критерии — новое для данного субъекта. Если мы принимаем критерий объективной новизны продукта фантазии, то наше исследование должно быть направлено на изучение социального окружения субъекта, которое будет выступать в качестве эксперта в определении новизны продукта фантазии. Если же мы принимаем субъективный критерий новизны, то нам необходимо исследовать предшествующую историю индивида для установления, не является ли представляемый им результат позаимствованным

у кого-либо (возможно, он обладает эффектом новизны для исследователя, а не для испытуемого). Эмпирически так поставленная задача решена быть не может, поэтому чаще всего определение новизны в исследовании опирается на процедуру самоотчета его участников (в том числе и экспертов).

Вторым критерием фантазии является *оригинальность* ее продукта. Как и новизна, оригинальность может быть установлена благодаря оценкам некоторого сообщества (или эксперта) и в отношении некоторого набора объектов. В этом смысле оригинальность есть следствие сравнения, а не имманентный атрибут объекта (продукта фантазии).

Как новизна, так и оригинальность сложно поддаются операционализации в классическом экспериментальном исследовании, которое стремится к выявлению закономерности в виде частоты встречаемости явления. Действительно, новым и оригинальным, т. е. не похожим на основную массу данных, выступает такой экспериментальный материал, который исключается в процедуре подсчета результатов исследования как частный (индивидуальный) случай. Мы полагаем, что Розет понимал всю сложность использования данных критериев для проведения исследования, в связи с чем выдвинул такие критерии фантазии, которые, как кажется, проще поддаются экспериментальной проверке.

В его исследовании идея новизны замещена идеей продуктивности–репродуктивности. Однако для нас осталось неясным, как же была установлена процедурно продуктивность деятельности. Поясним наше сомнение. Мы не можем с легкостью согласиться, что экспериментальные задания апеллировали в продуктивной деятельности, т. е. к деятельности неалгоритмизированной. Например, в курсе изучения русского языка достаточно часто встречаются задания на составления предложений с использованием конкретных слов (экспериментальная серия 3), так что сам тип задания вряд ли был незнаком испытуемым. То же можно сказать практически обо всех заданиях, предложенных Розетом. В анализе Розетом экспериментального материала мы можем обнаружить сложность в использовании параметра продуктивности–непродуктивности. В качестве критерия, по которому отличается продуктивность, выступает анаксиоматизация (Розет, 1991, с. 116), которая «проявляется только тогда, когда испытуемый сталкивается с затруднением» (Розет, 1991, с. 118). Однако, согласно теории восприятия самого же Розета, мы можем сказать, что при решении всех заданий проявляла себя анаксиоматизация как отказ от других способов оперирования объектами: если мы подбираем характеристики объекта по цвету («снег — белый»), то мы обесцениваем остальные свойства объекта.

Прежде чем продолжить обсуждение критериев фантазии, мы хотели бы сделать еще одно замечание относительно новизны и оригинальности.

В эксперименте исследователь выступает в качестве эксперта, который отбирает нужный эмпирический материал; в этом смысле он изначально должен

знать, какой материал правилен или нет с точки зрения теоретической модели. Так поступает и Розет, который до начала процедуры сбора данных знал, какие ответы испытуемых на его задания будут правильными и какой способ оперирования экспериментальным материалом будет приемлем: «Правильным является такое выполнение задания...» (Розет, 1991, с. 103). В этом смысле его испытуемые «не могли» изменять способ действия, т. е. по сути дела должны были быть неоригинальными. Для примера можно сослаться на первую экспериментальную серию, в которой испытуемые при выполнении задания на подбор прямого дополнения (как его понимал Розет) по аналогии «писать — письмо» использовали другой лингвистический критерий — парадигматические связи и подбирали однокоренные слова, а не дополнения. Однако их ответы были помещены Розетом в разряд неправильных — ошибочных в его терминологии.

Здесь мы опять можем вернуться к идее контролируемости, о которой говорили выше. Возможно, именно она является определяющей для всей процедуры исследования. В тексте Розета мы неоднократно встречаем указания на то, что принципиально любой материал может быть использован для эксперимента, однако автор выбирает такой материал, который в первую очередь доступен его контролю, т. е. такой, каким он может без труда оперировать сам. Он не проводит исследования в группе людей, владеющих высшей математикой, т. к. это потребовало бы от него владения аппаратом этой науки на более высоком уровне, чем его испытуемые, для возможности контролировать их ответы.

В своем теоретическом анализе И. М. Розет перечисляет основные признаки фантазии, на которые должна опираться любая теория продуктивной деятельности (фантазии): связь продуктов фантазии с реальностью, активность, оценочность, непредопределенность (Розет, 1991, с. 158).

Мы считаем, что первые два признака — связь продуктов фантазии с реальностью и активность — указывают на тот теоретический контекст, в котором строит свои рассуждения И. М. Розет, а именно, на теорию деятельности в ее изложении А. Н. Леонтьева, для которого данные признаки совместно с целенаправленностью и осознанностью выступают конститутивными свойствами деятельности (Леонтьев, 1983). Как мы показали выше, идея целенаправленности неявным образом определяет объяснение Розетом эмпирических данных (см. пример с детским творчеством).

Что касается оперирования данными признаками в процедуре исследования, то в эксперименте соотнесенность с реальностью мы обнаружили в двух «ипостасях». Во-первых, в отборе материала для окончательного анализа. На стр. 120 Розет пишет: «При обработке материала учтены только те случаи (их подавляющее большинство), когда инструкция была соблюдена». Здесь «реальностью» для испытуемых должна была быть сама экспериментальная ситуация, как она представлялась экспериментатору. Во-вторых, связь с реальностью устанавлива-

ется Розетом в тех случаях, когда действия испытуемых согласуются с правилами логики, т. е. это реальность логики (мы затрудняемся придать ей еще какие-либо характеристики, но можем определить ее негативно — это не реальность поэтического творчества, потому что в этой реальности у надежды может быть цвет). Активность устанавливается Розетом по факту участия в исследовании, по фактическому выполнению задания. Однако такого рода активность может быть понята скорее по стимульно-реактивной схеме, поскольку действия испытуемых были ответом на запрос (стимул) экспериментатора, а не определялись самостоятельно сформулированной задачей.

Что касается непредопределенности, то и этот признак может быть поставлен под сомнение исходя из теоретической рамки самого же Розета (о чем мы упоминали уже выше). Как указывалось ранее, фантазия предопределена памятью как базовым процессом, стоящим за всяким другим психическим феноменом. Противоречивость применения данного критерия можно обнаружить в описании экспериментальной части исследования. С одной стороны, Розет утверждает, что «признание *универсальности* закономерностей фантазии виртуально содержится в признании их *имманентного* характера, их независимости от решаемых задач, материала и даже опыта и подготовки субъекта» (Розет, 1991, с. 93) («возможно все!»). С другой стороны, при отборе и испытуемых, и экспериментальных заданий Розет руководствуется задачей избежать влияния на результаты исследования незрелости, необученности, возрастных особенностей участников эксперимента, а также возможностью произвести определенные операции с материалом заданий (там же, с. 101) («возможно только допустимое»). Иными словами, в теории фантазии И. М. Розета непредопределенность задается в узких, контролируемых рамках.

Итоги

В нашей работе мы попытались применить аналитический аппарат В. С. Степина (Степин, 2000) для реконструкции оснований программы «Психология фантазии» И. М. Розета. Собственное историко-методологическое исследование В. С. Степин строит на материале естественнонаучных дисциплин, что обусловливает, в первую очередь, содержательную характеристику различных типов рациональности, в частности, определение научных принципов, согласно которым должно выстраиваться научное знание. Прямое приложение описываемых им принципов к материалу гуманитарных наук (в случае нашего исследования к психологии) оказывается затруднительным, так как принципы, эксплицитно заявляемые в физике или другой дисциплине, в психологии могут подразумеваться или выражаться терминологически другим языком. В качестве примера мы можем указать принцип абсолютного пространства и времени, приведенный в на-

шем тексте, который не поддается однозначной корреляции с психологическими дефинициями. Здесь требуется предварительная работа по «переводу» языка естественнонаучного знания на язык гуманитарных дисциплин, а также разработка методических процедур по экспертизе научных программ и определяющего их типа рациональности в отличие от построения общего «методологического нарратива», как это осуществляется самим Степиным.

Возможно, анализ оснований гуманитарного знания должен осуществляться независимо от результата, полученного в отношении естественнонаучного знания, что позволит либо обнаружить мировоззренческие категории более высокой степени обобщенности (если будет поставлена такая исследовательская задача), либо сформировать гуманитарный методологический нарратив с целью диверсификации методологического знания.

Возвращаясь к работе, совершенной нами на материале «Психологии фантазии» И. М. Розета, мы еще раз подчеркиваем, что, с нашей точки зрения, исследование продуктивной умственной деятельности, проведенное белорусским ученым, выстроено в соответствии с нормами классической научной рациональности (в версии В. С. Степина), что проявляется, в первую очередь, в содержании общей и специальной картин мира, стоящих за данным исследованием. Согласно классическому типу рациональности, научная деятельность должна заключаться в поиске объективной истины относительно предметной области, представляющей интерес для исследователя. Этот ориентир выступает основополагающим для действий Розета. Для него фантазия выступает объективно существующей реальностью с неизменной в исторической перспективе сущностью, могущей быть подвергнутой экспериментальному изучению и внешней проверке.

Сам концепт «фантазия» (кажущийся нам внутренне противоречивым) определяется двумя факторами: во-первых, процедурой построения научного понятия (правилами ввода-вывода, установления родо-видовых отношений, объяснения фактов, полученных другими исследователями и т. д.) в соответствии с базовыми принципами психологии (единства сознания и деятельности, единства идеального и реального и др.); во-вторых, процедурой экспериментального метода и, что не менее важно, обработки его результатов (вернее, работы с его результатами). Нам представляется, что в экспериментальном исследовании фантазии базовым условием для всех его компонентов выступает условие их контролируемости. В этом смысле фантазия выступает как предмет, который поддается наблюдению, оценке и корректировке в желаемом направлении. Возможно, следующий вывод покажется слишком поспешным для столь краткого анализа, но за идеей фантазии в ее изложении И. М. Розетом для нас выступает горизонтная идея управляемого субъекта, в контексте которой осуществляются и теоретические, и эмпирические действия данного исследователя.

Литература

Башляр Г. Новый рационализм. Биробиджан: Тривиум, 2000.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983.

Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.

Розет И. М. Психология фантазии: экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности: 2-е изд., испр. и доп. Мн.: Университетское, 1991.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.

Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

ЦЕНТР ПРОБЛЕМ
РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ
БГУ

Розетовский сборник

Под редакцией
Я. Л. Коломинского и А. А. Полонникова

Минск
«Издательский центр БГУ»
2007

УДК 159.9.01(082)+159.9(476)(092)(082)+929(082)
ББК 88.3я43+88г(4Бен)я43
Р64

Рекомендовано
Научно-методическим советом
Центра проблем развития образования БГУ
8 ноября 2007 г., протокол № 7

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *Д. Г. Богусевич*
доктор психологических наук, профессор *Л. А. Кандыбович*

Розетовский сборник: сб. науч. ст. / под ред. Я. Л. Коломинского и А. А. По-
Р64 лонникова. — Минск : Изд. центр БГУ, 2007. — 182 с.
ISBN 978-985-476-555-6

В основу сборника легли доклады Первой Международной научной конференции «Розетовские чтения», состоявшейся 12 октября 2007 года и приуроченной к 80-летию со дня рождения белорусского психолога Исаака Моисеевича Розета (1927–1992). В статьях, размещенных в сборнике, рассматриваются различные аспекты жизни и творчества И. М. Розета, а также его научные идеи, которые могут быть актуальны для современной белорусской психологии.

Адресуется преподавателям университетов, психологам, аспирантам и студентам психологических специальностей.

УДК 159.9.01(082)+159.9(476)(092)(082)+929(082)
ББК 88.3я43+88г(4Бен)я43